

Александр Григорьевич АВДЕЕВ

Галичские книжники

Из цикла „Древние галичане“

ГАЛИЧ литературный начинается во второй половине XVIII века, и первым профессиональным галичским писателем, видимо, следует считать Александра Онисимовича Аблесимова (1742-1783 годы), автора известнейшей комической оперы «Мельник – колдун, обманщик и сват». Но и до этого времени, бесспорно, галичане не были чужды ни книжности, ни литературного творчества, о высоком уровне книжности древнего Галича свидетельствует хранящееся в Государственном Историческом музее Галичское Евангелие, переписанное в 1357 году и являющееся памятником – в полном смысле слова – книжного искусства.

Правда, если говорить о литературном процессе в Древней Руси, то нам, придётся отказаться от привычных терминов «писатель», «литератор», «поэт». Древняя Русь профессиональных писателей не знала. «Главной фигурой в литературном процессе был не писатель, а «книжник», причём этим словом обозначался и автор – создатель собственного творения, и редактор, подвергавший переработке и компилированию сочинения своих предшественников, и писец-копиист. Грани между ними... не могут быть чётко проведены», – отмечает изданный в 1987 году первый выпуск «Словаря книжников и книжности Древней Руси».

С самого начала хотелось бы уточнить значение термина «летописец», который будет использоваться в данных материалах. В нашем обыденном понимании «летописец» – человек, пишущий летописи. Однако у этого слова есть и другое значение. По данным Словаря русского языка XI-XVII веков этот термин, как правило, применялся к погодной (по годам) записи исторических событий. Иначе говоря, летописец в отличие от летописи не являлся исторической хроникой и служил чисто практическим целям. Подобного рода летописец, например, был в XVII веке составлен в Воскресенском монастыре Солигалича. Он содержал как фактический, так и легендарный материал по истории этих мест с древнейших времён.

Таким образом, в публикуемых материалах читатель встретится с тем, что термин «летописец» используется и в том, и в другом смысле.

ТАИНСТВЕННЫЕ ЛЕТОПИСЦЫ

О ЛЕТОПИСАНИИ в древнем Галиче до нас фактически не дошло сведений. Мы не знаем ни имён летописцев, ни точного числа, ни состава подготовленных ими летописных сводов. Более того – есть все основания отрицать сам факт существования устойчивой летописной

традиции в Галичском княжестве: все известные в настоящий момент летописи велись в более крупных феодальных центрах. Лишь в житии Паисия Галичского, составленном неведомым галичанином во второй половине или даже в конце XVII века, упоминаются древние галичские летописцы, видимо составленные до ликвидации Галичского удела в 1453 году, а может быть, и ведшиеся и в более позднее время, но до наших дней, очевидно, не дошедшие.

О месте и времени их выставления можно только гадать. Эти летописи могли быть составлены при дворе галичских князей и, следовательно, включать в себя подробные сведения как истории Русского государства с момента его основания, так и по истории собственно Галича. Но это могли быть и краткие погодные записи важнейших событий, ведшиеся, например, в Паисиевом монастыре. Такие монастырские летописцы, имевшиеся почти в каждом крупном монастыре, зачастую и становились источником для составления жития того или иного святого, – так подобного рода краткие записи, хранившиеся в Покровском Чухломском монастыре, в середине XVI века, послужили основой для составления жития Авраамия Галичского.

Наконец, к составлению летописей могли быть привлечены самые разнообразные по происхождению авторы – от духовных лиц до представителей княжеской администрации. Все эти гипотезы имеют право на существование.

Из кратких замечаний автора Жития Паисия (это житие до сих пор не опубликовано, но им активно пользовался Василий Осипович Ключевский, включивший отдельные выдержки из этого произведения в монографию «Древнерусские жития святых как исторический источник», вышедшую в свет в 1871 году) явствует, что в этих летописцах «явно замалчивались причины, побуждавшие галичских князей вступить в конфликт с Москвой, а сами события усобиц искажались. Имелись ошибки в датировке событий, так как записи о них, по-видимому, делались не сразу, а спустя некоторое время. Так, вероятно, вслед за летописцами автор Жития Паисия относит смерть галичского князя Юрия Дмитриевича (кстати сказать, сына Дмитрия Донского) к 1429 году, в действительности это событие произошло пятью годами позже.

Не было в летописях ни слова о причинах княжьих усобиц в начале правления Василия Тёмного, в которых галичские князья выступали лидерами антимосковской оппозиции (о чём немало сокрушается автор Жития), а изложение событий 1433 года, приведших к захвату Юрием Дмитриевичем Москвы, похоже, повисло вне времени и пространства и было настолько невнятно, что составитель Жития был вынужден отметить: «А когда великий князь Георгий Дмитриевич к Москве пришёл – до того ли, как во время взятия града Галича великим князем Московским пленён был, как после взятия града каким-нибудь иным образом пришёл, об этом мы в галичских летописцах не нашли (сведений)».

В действительности же Василий Тёмный изгнал своего противника из Галича, а сам город взял приступом, сжёг в 1434 году после неудавшейся попытки Юрия Дмитриевича захватить московский престол Галичский князь в плен не попал, поскольку, узнав о продвижении великокняже-

ско-го войска, спешно бежал на Белоозеро. В Галич он возвратился лишь после его разрушения.

Эти искажения, с одной стороны, могут быть объяснены краткостью записей монастырского летописца, а также тем, что составитель летописца не был в курсе большинства событий феодальной войны, отличавшейся крайней сложностью, запутанностью, молниеносной сменой ситуаций. С другой стороны, – если эти записи действительно велись при дворе галичских князей – то перед нами налицо широко распространённый в княжеских летописях прием сознательного умолчания (и, добавим, искажения) именно тех событий, которые бросали тень на деятельность князя, выставляя его в крайне невыгодном свете.

Как писал академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв в книге «Текстология» (Л., 1988 год), идеи, вкладывавшиеся летописцами в летописные своды, всегда оказывались «тесными узлами связанными с политическими концепциями отдельных феодальных центров, в которых эти своды составлялись... Во всех случаях летопись отражала идеи той или иной ветви княжеского рода, того или иного княжества как такового, того или иного церковного центра, она создавалась в их интересах, проводила их точку зрения на русскую историю».

Итак, перед нами опять всё та же дилемма. Лишь слово «древний», употреблённое по отношению к летописному источнику составителем Жития Паисия, жившим никак не раньше второй половины XVII века – заставляют признать нас XV век – временем составления этих таинственных летописцев.

Судьба галичских летописцев неизвестна. Можно полагать, что они были утрачены во времена бурных потрясений, которыми столь богата русская история. Судя по данным, приведенным Яковом Соломоновичем Лурье в 50-м томе Трудов Отдела Древнерусской литературы Института Русской литературы АН СССР (Л., 1983 год), эти записи не попали ни в один летописный свод, составленный в XVI-XVII веках. Но это тем более было трудно сделать, поскольку летописцы находились в Галиче и служили, так сказать, основным справочником по местной истории. А это, кстати, наводит на мысль, что может быть, эти летописцы как раз и представляли собой краткие погодные записи, составленные в одном из Галичских монастырей – скорее всего, в Паисиевом и, поскольку они не имели официального характера, то есть не были связаны «социальным заказом» с галичскими князьями, они, как записи, не имевшие государственного интереса, постоянно хранились в месте их написания, со временем истлев в прах от частого пользования.

В этом случае, если мы признаем местом составления летописца Паисиев монастырь, станут вполне понятны и причины содержащихся в нём искажений: галичский князь Юрий Дмитриевич покровительствовал этому монастырю и бывал в нём неоднократно, так что монахам в летописце пришлось позаботиться о «чести мундира» в неблагоприятной ситуации.

Таким образом, мы приходим к выводу, что таинственные «галичские древние летописцы», упомянутые в Житии Паисия, нельзя считать летописями в привычном смысле слова. Это были краткие погодные записи, составленные (может быть) в Паисиевом монастыре трудами од-

ного или нескольких монахов. Может быть, эти записи не были сведены в определённую систему (а отсюда – также неизбежная путаница при определении дат, имён и событий). Множественное число подсказывает, что могло даже существовать несколько разнородных списков. Для нас этот факт интересен тем, что он является непреложным доказательством интереса галичан к собственной истории, причём интереса чисто практического, но для доказательства существования в древнем Галиче летописания у нас по-прежнему нет веских доказательств.

[газета «Ленинский путь», 1990 год
14 июля, №84. с.3 (в газете поставлен №83.– Г.О.)]

* * *

АГИОГРАФИЯ – ЛИТЕРАТУРНО- ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖАНР

АГИОГРАФИЯ – жанр, чрезвычайно популярный в средневековой литературе Европы. Агиографами (от греческого агиос – святой и графо – пишу) называли составителей жизнеописаний многочисленных святых, за разные заслуги почитаемых христианскою церковью. После принятия христианства Русью этот жанр укоренился и в древнерусской литературе.

Как показал **А.С. Хорошев** в книге «**Политическая история русской канонизации (XI-XVI века)**» (М., 1986 год), с завершением процесса формирования Русского централизованного государства, итогом которого явилось венчание Ивана IV на царство в январе 1547 года, в целях укрепления государственной идеологии потребовалось создание общерусского пантеона святых, отражавшего идею единства государства. Центральную роль в этом сыграли церковные соборы 1547-го и 1549 годов, возведшие многих святых, ранее почитаемых только в бывших центрах удельных земель в ранг общегосударственных. Так в общерусский пантеон попали киевские, владимиристо-суздальские, тверские, псковские, новгородские святые.

Эти же соборы выработали и единые требования к процессу канонизации: обязательным условием для церковного прославления теперь являлись наличие жития и службы, в которых вы доподлинно фиксировался «дар чудотворения», а также факт нетления мощей угодника. По окончании работы собора 1547 года Иван Грозный обратился к церковным иерархам с просьбой: пусть каждый «в пределах, порученных им пытается и отыскивает о великих, новых чудотворцах» (Цит. по: **Белов А.В. «Правда о православных святых». 1968 год**). Фактически это был призыв к собиранию материалов для новых массовых канонизаций.

Царя безоговорочно поддержал глава Русской Церкви митрополит Макарий. «...Тотчас после собора 1547 года,– пишет Василий Осипович Ключевский,– он умел найти писателей и в Москве, и во Влади-

мире для житий местных святых. Подобно этому прямое поручение митрополита и соборное прославление святых... всюду пробуждали местные церковные воспоминания и вызвали длинный ряд местных грамотеев к литературной обработке этих воспоминаний».

Василий Осипович Ключевский, специально изучавший жития древнерусских святых, справедливо отмечал, что произведения этого жанра, известные в многочисленных списках, происходящих даже из самых удаленных уголков Руси, были «любимым чтением древнерусского грамотного человека». И дело здесь, конечно, не только в том, что мировоззрение человека средневековья было по преимуществу религиозным, а в том, что жития, рисуя идеальную биографию идеального героя, как раз и подавали читателю взятый из жизни пример подвига во имя церковного благочестия.

Дело даже не в том, что с помощью этого отвлечённого идеала «церковь стремилась дать своей пастве образцы практического применения... христианских положений» (так писал Николай Каллиникович Гудзий в вышедшей в 1956 году «Истории древней русской литературы»). Василий Осипович Ключевский верно подметил, что среди «героев» этого жанра можно найти представителей практически всех классов и сословий древнерусского общества: «князей и княгинь, высших иерархов Русской Церкви..., архимандритов, игуменов, простых иноков... основателей и подвижников монастырей, выходивших... в том числе и из крестьян».

А это значит, что житие, неся внутри себя просветительские задачи, могло удовлетворить самые широкие читательские круги. Читатель чаще всего искал в этом произведении то, чего не доставало ему в реальной жизни. Яркая, почти сказочная жизнь святого, исполненная повседневного подвига во имя благочестия, лишённая мрачных сторон действительности, казалась древнерусскому человеку недостижимым идеалом.

Как особый литературный жанр, житие имело свои, рассчитанные на читательское восприятие той эпохи, особенности. Его цель – не точное воспроизведение действительных событий для психологической характеристики «героя», не достоверное изображение, а нравственное, воспитывающее воздействие на читателя. Отсюда – шаблонность композиции, языка и стиля, любовь к риторическим оборотам, панегиризм и торжественность, зачастую – опора на не всегда достоверные изустные предания и легенды, которыми обрастало имя святого, особенно после его кончины. Общеизвестен афоризм Василия Осиповича Ключевского, что разница между житием и биографией такая же как между иконой и портретом.

[газета «Ленинский путь», 1990 год,
21 июля, №87. с.3]

* * *

АГИОГРАФ ПРОТАСИЙ

В ГАЛИЧЕ в разное время было составлено как минимум три жития подвижников, почитавшихся в начале местно, а затем и по всей Руси. Из них только одно – Житие Авраамия Чухломского, Галичского, написанное игуменом Заозёрного Успенского монастыря Протасием – имеет твёрдую дату. Это произведение до сих пор не опубликовано, но детально исследовано Василием Осиповичем Ключевским в упоминавшейся уже монографии. «Древнерусские жития святых» и Исааком Уриелевичем Будовницем в книге «Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI веках» (М., 1966 год), что позволяет создать общее представление об этом интересном литературном произведении.

Прожив, по собственному признанию, три года в Успенском монастыре (первом из четырёх основанных Авраамием) «содержа жёзло паствы» (то есть, игуменствуя), Протасий много раз по делам выезжал за пределы обители. Бывал он и в Чухломе. Здесь, в Успенском монастыре, также основанном Авраамием (впоследствии здесь и похороненном), Протасий стал свидетелем чудес, совершавшихся у гроба преподобного. Как правило, эти «чудеса» заключались в мгновенных исцелениях считавшихся неизлечимыми больных, обратившихся с молитвой к почившему угоднику. Некоторые «исцеления», бесспорно, умело инсценировались монастырской братией, но в большинстве случаев человек действительно получал исцеление – но благодаря не чуду, а самовнушению, «настраивая» свой организм на исцеление.

Но совершение таких не вызывавших кривотолков «чудес» и являлось достаточным основанием для канонизации. «И когда я спросил иноков той святой обители, благоговейных и многолетних, – пишет Протасий, – нет ли какого-нибудь описания жизни и пришествия на это место преподобного Авраамия, иноки той обители принесли мне какое-то краткое описание жизни преподобного Авраамия, ветхое и изодранное. Я же, едва прочёл эти писания, уверился не только в житии преподобного, но и своими глазами видел от святого его гроба многие чудеса».

Эти-то ветхие и изодранные листы с записями о жизни и чудесах основателя обители и стали основой жития, написанного Протасием: очевидно, мысль о возможной канонизации Авраамия возникла у его сподвижников сразу после кончины учителя, и с этим расчётом они составили записи, своего рода воспоминания, хранившиеся (и притом не очень бережно) при гробе святителя.

Что ж, перед нами – распространённый литературный приём, очень часто использовавшийся составителями житий. Точно таким же образом создавал Житие Сергия Радонежского один из крупнейших писателей Руси первой половины XV века Епифаний Премудрый. Точно так же действовал и безвестный автор Жития Паисия Галичского. Не был исключением из правил и Протасий.

Расцвет его творческой деятельности приходился примерно на

середины XVI века: к 1541 году, согласно "одной из грамот Покровского Чухломского монастыря, он уже расстался с Галичем и пребывал игуменом данной обители. К этому времени работа над житием Авраамия была уже завершена, поскольку Протасий ни разу не называет в этом житии своей новой должности.

Возникает закономерный вопрос: почему же никто до Протасия за более чем 150-летний промежуток после смерти Авраамия (а тот умер в 1375 году) не воспользовался хранившимися в монастыре записями и не составил жития преподобного, тем более что многочисленные чудеса, совершавшиеся у его гроба, казалось бы, не должны были оставить и тени сомнения в святости подвижника. Ответ, что, дескать, за это время не нашлось человека, обладавшего хоть каким-нибудь писательским дарованием, кажется слишком прямолинейным и натянутым.

В предыдущем материале шла речь о том, что в ходе церковного собора 1547 года Иван Грозный обратился к церковным, иерархам с просьбой собирать материалы для новых массовых канонизаций с целью создания общерусского пантеона святых, отражавшего идею единства государства.

В эту работу включился и Протасий, несомненно, прекрасно знакомый с решениями собора (может быть даже и его участник). Он с усердием взялся за составление жития Авраамия, тем более что подвёртывался крайне благоприятный момент для его общерусской канонизации. Трудно сказать, чего было больше в этом усердии – истинного благочестия или же заботы в будущем монастыря, поскольку – и это никак не сбросить со счетов – наличие собственного – и притом чтимого по всей Руси – святого поднимало престиж и авторитет монастыря – и это, в свою очередь, привлекало в обитель многих паломников, чьи дары множили достояние монастырской братии. Вот, собственно, и ответ на вопрос, почему личность Авраамия Галичского долгое время никак не могла привлечь внимания: для местного почитания святого вполне хватало факта его существования, для общегосударственного – требовалось житие.

[газета «Ленинский путь», 1990 год
26 июля, №89. с.3]

* * *

АГИОГРАФ ПРОТАСИЙ

ОТДЕЛЬНЫЕ эпизоды, включённые Протасием в Житие Авраамия (на них обратил внимание Исаак Уриелевич Будовниц) как раз и показывают – что, с одной стороны, это произведение рассчитывалось на будущее общерусское почитание, с другой – что Протасий мог приступить к работе над ним не раньше 1547 года. Речь идёт об эпизоде с чудесным исцелением устюжанина Леонтия. Этот человек был, по словам Протасия, одержим бесом, то есть, по современной терминологии, страдал психическим расстройством. Родственники, желая ис-

целить Леонтия, с молитвами припадали к гробу известного устюжского чудотворца Прокопия, кстати сказать, канонизированного на соборе 1547 года в качестве местночтимого святого. Но безуспешно – «нимало помощи не обрели». С большим трудом больной был доставлен к гробу Авраамия – и тут же исцелился.

В этом эпизоде неясно, почему «соперником» в силе чудотворения был избран именно Прокопий Устюжский, ни прямо, ни косвенно не связанный ни с Чухломой, ни с Галичем. Может быть; потому, что этот святой, о котором – даже о времени его жизни – не сохранилось каких-либо достоверных сведений, всё же попал в список местночтимых святых, закреплённый собором 1547 года? Протасий же, как раз и ставил одной из целей показать преимущество Авраамия перед другими святыми, Так или иначе, труд игумена не пропал даром. Житие Авраамия, составленное Протасием, явилось достаточным основанием для общерусской канонизации подвижника на церковном соборе 1553 года.

Василий Осипович Ключевский отмечал заметную близость стиля жития Авраамия с житием вологодского чудотворца Павла Обнорского, точное авторство которого не установлено. Эту версию подтвердил и С. П. Розанов в статье «Отрывки из неизвестной древнейшей редакции Жития Авраамия Галичского Городецко-Чухломского» (Русский филологический вестник 1912 года, №3) специально сопоставляющий оба жития и нашедший много общего в композиции и стиле этих произведений. Исследователь даже полагал, что в основе житий лежит общий источник, поскольку Авраамий и Павел были учениками Сергия Радонежского и некоторое время (как свидетельствует житие Авраамия) проживали вместе. Известно, что мощи Павла были обреты в 1546 году при игумене Павло-Обнорского монастыря Протасии. В этом же году было составлено его житие, а в следующем – на церковном соборе – Павел Обнорский был канонизирован как общерусский святой. С отмеченными выше эпизодами из жизни галичского игумена Протасия это совпадает удивительным образом. И, следовательно, мы можем предполагать, что игумен Павло-Обнорского и Успенского Заозерного монастырей Протасий – одно лицо.

В таком случае немаловажный штрих к биографии Протасия содержится в житии Сергия Нуромского, составленном игуменом Антониево-Сийского Глушицкого монастыря Ионой в 1584 году. Здесь сообщается, что рассказ о жизни и чудесах этого святого – ученика и приемника Павла Обнорского – передавался в монастыре из уст в уста, пока его не записал инок Протасий, со временем ставший игуменом Павлова монастыря. Эти записи, попавшие к Ионе, и послужили основой для жития Сергия Нуромского. Но что особенно важно (и это опять подкрепляет наши выводы относительно биографии Протасия) – местное почитание Сергия началось именно с 1543 года, то есть на год раньше, чем был канонизирован Павел Обнорский, но одновременно с обретением мощей последнего.

Итак, представим себе на основании этих весьма и весьма скудных данных жизненный путь Протасия. Родился он, скорее всего, на юге Вологодчины, видимо, недалеко от Павло-Обнорского монастыря, где

и принял постриг, может быть, в юности. Будучи человеком весьма грамотным и не лишённым литературного дара. Протасий живо интересовался биографиями подвижников, стоявших у истоков монастыря, в котором, приняв игуменство, он стал как бы их духовным преемником. Ещё будучи простым монахом, он начал подбирать материалы к житию Сергия Нуромского, но воплотить этот замысел ему не удалось.

1546 год стал переломным в жизни Протасия. В этом году он стал игуменом Павло-Посадского монастыря – и в этом же году при его активном участии были обретены мощи основателя обители.

Оставим на совести Протасия или его преемников вопрос о нетленности этих мощей: согласно житию, гроб игумена вскрыт не был, при вскрытии же его в 1919 году были обнаружены «несколько досок, старых монет, банка фиксатуара фирмы «Брокер», стружка, земля, щепки и кирпичи» (см. книгу «О святых мощах».– М., 1961 год), однако, обретение мощей, обычно совершавшееся в присутствии многочисленных свидетелей, – факт, из ряда вон выходящий не только для братии, но, прежде всего, для мирян, необходимое условие канонизации.

И, хотя материал к житию Сергия Нуромского был уже подобран и, видимо, вчерне обработан Протасием, – игумен понял, что в настоящий момент первоочередной, является канонизация Павла Обнорского; останки Сергия, пусть даже друга и сподвижника последнего, всё же покоились в соседней основанной Сергием же обители. Как человек трезвого расчёта (хотя и, видимо, искренне верующий), Протасий не мог не понимать пользы для собственного монастыря от будущей канонизации именно его основателя. В этом же году он подготовил житие Павла – и в 1547 году церковный собор, на котором Протасий, вероятно, присутствовал, канонизировал Павла Обнорского в качестве общерусского святого. Сергий Нуромский канонизирован не был.

Старания игумена были замечены. В 1547 году он стал игуменом Успенского Заозерного монастыря, где предпринял большие розыски к канонизации Авраамия Галичского. Через 3 или 4 года Протасий – игумен Покровского монастыря в Чухломе. В 1553 году его ожидает новый триумф – церковный собор, собравшийся в этом году, установил общерусское почитание Авраамия.

Трудно сказать, вёл ли Протасий эти изыскания по собственному почину, или же он выполнял поручения более высоких инстанций (к примеру, митрополита Макария, покровительствовавшего, как мы видели, таким поискам). Ведь подбор святителей, привлёкших внимание игумена, вряд ли случаен: и Сергий Нуромский, и Павел Обнорский, и Авраамий Галичский являлись учениками Сергия Радонежского, активно поддерживавшего объединительную политику московских князей. С его благословения ученики основывали монастырь в наиболее глухих уголках Руси, становясь активными проводниками московской политики.

Именно эта сторона деятельности Павла Обнорского и Авраамия Галичского полнее всего соответствовала духу церковных соборов середины XVI века, осуществлявших массовую канонизацию. В этой связи мнение А.С. Хорошева о том, что канонизацией на этих соборах монастырских подвижников церковные иерархи стремились укрепить

победившую на соборах идею незыблемости монастырского землевладения – что тоже было в те времена актуальным – представляется не совсем верным. В данном случае предпочтительнее говорить о выборе своего рода патриотического примера духовного служения московским государям, собиравшим воедино русские земли.

Дальнейшая судьба Протасия неизвестна. Умер он до 1384 года – в этом году его записи о Сергии Нуромском попали в руки Ионы Глушицкого, составившего по ним, наконец, житие этого святого.

Творческий метод Протасия, таким образом, был традиционным для многих составителей житий: вначале знакомство с обстановкой, сбор устной информации, затем – систематизация и обработка более ранних записей, составленных, как правило, другим лицом, более знакомым с жизнью подвижника. Итогом этой подготовительной работы и становилось житие, написанное в соответствии со всеми требованиями жанра. Об особенностях творческого метода Протасия, его языка и стиля, не будучи знакомым с его произведениями, сказать ничего нельзя.

Дальнейшая судьба жития Авраамия Галичского прослеживается лишь в общих чертах. Известно пять списков этого произведения: один список XVII века из собрания Троице-Сергиевой Лавры, ныне хранящийся в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина (Ф.304.1. Троицк. 625) считается наиболее полным. Там же хранятся ещё два списка XVII века (Больш. 422 и Муз. 2496).

Четвёртый список начала XVIII века, являющийся сокращённой редакцией, происходит из собрания Соловецкого монастыря, и в настоящее время хранится в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (Ф.717, Солов.871). Фрагменты пятой рукописи были обнаружены и опубликованы С.П. Розановым. Отсюда можно сделать вывод, что житие Авраамия не имело широкого распространения на Руси, в течение XVII века текст его неоднократно сокращался и подвергался изменениям. Тем не менее, списками этого произведения располагали крупнейшие монастыри.

[Газета «Ленинский путь», 1990 год,
26 июля, №91, с.2-3]

ЖИТИЕ ПАИСИЯ ГАЛИЧСКОГО КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ

В ОТЛИЧИЕ от творения Протасия авторство Жития Паисия Галичского не установлено. Неизвестно и время его написания. Скорее всего, оно было создано после церковных соборов середины XVI века, поскольку данный подвижник на этих соборах канонизирован не был – может быть, потому, что его деятельность не отвечала программным установкам, выдвигавшимся в те времена к канонизации. Однако обретение мощей Паисия, повлекшее за собой строительство первого каменного собора в основанном им монастыре, состоялось как раз в XVI веке – и, видимо, после знаменитых соборов. Могила с останками основателя обители вскрыта не была. По традиции, издревле существовавший на русском Севере, мощи остались «под спудом» возведённого над ними собора. Но уже самим этим фактом было создано основание для (пока что) местного почитания подвижника. Сама же рукопись Жития Паисия дошла в единственном списке XVII века (хранится в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, ф. 299 Тихонр. 57), к тому же дефектном (недостаёт первых трёх листов). Все попытки Исаака Уриелевича Будовница отыскать другие списки жития оказались безрезультатными.

Таким образом, время создания этого произведения мы можем определить лишь в общих чертах – вторая половина XVI-XVII веков. По особенностям стиля Василий Осипович Ключевской был склонен относить его к позднему периоду – концу XVII века. Может быть, точкой отсчёта, раньше которой это житие не могло быть создано, следует считать 1642 год? Ведь в этом году на средства уроженца Галича князя Алексея Михайловича Львова в Паисиевой обители был заложен второй каменный храм во имя Святыи Живоначальныя Троицы? Монастырь разрастался, приобретал вес – следовательно, проявлялась реальная необходимость в составле нии жития его основателя, а затем – и в его общерусской канонизации.

Автор жития Паисия, отделённый от описываемых событий более чем двумя веками, был мало знаком с описываемой эпохой. Пойдя по пути Протасия (равно как и других составителей житий), он попытался отыскать необходимые материалы в Паисиевой обители – сам факт уже выдаёт в авторе местного уроженца – но характер источника, как мы уже видели, оказался таков, что достоверной картины не получилось. Будучи человеком добросовестным, автор Жития Паисия пре-

красно осознавал этот недостаток (о чём, кстати, неоднократно уведомлял читателя), часто избегая точных указаний на дату происходящих событий, ссылаясь в качестве хронологического ориентира на деятельность тех или иных хорошо известных исторических лиц.

Все эти особенности авторского стиля жития были отмечены Василием Осиповичем Ключевским, обстоятельно изучившим и это – также пока не опубликованное житие. Собственно говоря, эти особенности и создают впечатление об авторе как о добросовестном труженике, отнюдь не блиставшем литературным талантом. Отчасти это обстоятельство, отчасти то, что жития святых как самостоятельный литературный жанр в XVII веке отживали своё время, наконец, оттого, что деятельность Паисия не имела ярко выраженного общерусского характера, – и послужили причиной нераспространённости этого произведения.

Вместе с тем, житие Паисия связано с новыми проявлениями в русской житийной литературе: последний взлёт этого жанра в конце XVII века, как подчёркивал Николай Калинин Гудзий, связан с тем, что составители -житий стремились уйти от сложившейся к середине XVI века традиции составлять жизнеописание святого в виде «абстрактного панегирика, составленного большей частью из общих мест», наполняя произведения реальными биографическими фактами, более или менее точно привязывая действие к конкретной исторической обстановке.

Собственно говоря, в XVII веке происходит постепенное перерождение житийной литературы в жанр исторического повествования, в жанр собственно биографии. Интерес к историческому жанру отличает в это время и советскую литературу. И если в более ранний период, как отмечает Дмитрий Сергеевич Лихачёв, историко - бытовая повесть, не будучи самостоятельным литературным жанром, неизбежно превращалась в абстрактное житие, то в XVII веке происходило обратное: житие, возвращая конкретность повествования, перерастало в историко-бытовую повесть. Так древнерусская литература открывала ценность и неповторимость человеческой личности.

Полной загадкой является третье произведение этого жанра – житие Иакова Железноборовского, как и Авраамий Галичский являвшегося учеником Сергия Радонежского. В 1392 году им был основан Предтеченский монастырь в 30 верстах от Галича у местечка Железный Борок на берегу реки Тёбзы. Здесь, вероятно, в связи с общерусской канонизацией этого святого и было составлено его житие, в настоящее время, скорее всего, утраченное. Известно, что этим житием в 60-е годы прошлого века пользовался митрополит Черниговский Филарет (Гумилевский), составивший многотомный справочник по всем чтимым православной церковью русским святым.

Дальнейшая судьба жития неизвестна, так что нельзя сказать ничего определённого ни о времени его написания, ни о его авторстве. Лишь обилие местных реалий, сохранённых в изложении Филарета, подтверждает предположение о галичском происхождении этого произведения.

Почему же история не сохранила имен авторов данных житий? Факт не случайный, ибо большинство произведений этого жанра, созданных в Древней Руси, – безымянны. Видимо, потому, что агиографы, подобно летописцам, не считали себя авторами собственных творений. В их глазах иконописание, равно как и литературное творчество, являлось ступенью религиозного подвига, в котором человек, создавая своё произведение, выступал всего лишь как интерпретатор событий, случившихся помимо его воли «по промыслу Божию», стремившийся наиболее полно и добросовестно донести саму суть этого помысла до современников и потомков.

[газета «Ленинский путь», 1990 год,
3 октября, №118. с.2]

* * *

КНИЖНИК XVII ВЕКА СТЕФАН НЕЧАЕВ.

СРАВНИТЕЛЬНО недавно в хранилище Государственной публичной библиотеки им Михаила Евграфовича Салтыкова-Щедрина была обнаружена рукопись, сохранившая сочинения галичского книжника Стефана Трофимовича Нечаева, жившего во второй половине XVII века. Эти сочинения были опубликованы и исследованы в книге Дмитрия Сергеевича Лихачева, Александра Михайловича Панченко и Н. В. Поньрко «Смех в древней Руси» (Л., 1984 год).

Что же нам известно об этом книжнике? Данная рукопись – единственный источник наших сведений о его жизни.

Стефан Трофимович Нечаев был посадским человеком, сыном Галичского купца, т.е. принадлежал к привилегированной группе городского населения, а по роду деятельности, скорее, являлся представителем нарождавшегося класса буржуазии. Дата рождения его неизвестна, умер же он 13 мая 1667 года далеко не старым человеком.

Чем же знаменит этот галичский книжник? Чему были посвящены его сочинения? Чем они интересны?

Всё дело в том, что Стефан Трофимович – типичнейший представитель своего времени, того, по словам В.И. Ленина, нового периода русской истории, когда сквозь толщу феодальных отношений начали пробиваться первые ростки капитализма.

С юных лет Стефан Нечаев был начитан в религиозной литературе (а его сочинения выдают хорошее знакомство с библейскими книгами, творениями церковных писателей – и то в объёме, достаточном для зажиточной семьи, способной приобрести несколько рукописных сборников, содержавших подобного рода произведения) – а для этого

времени – это неплохой уровень образованности.

С малых лет Стефан Нечаев остался без отца, и всю заботу о его воспитании взяла мать, давшая сыну традиционное по тем временам образование. По её настоянию он женился, у него родился сын. Казалось бы, – впереди – обеспеченное будущее более или менее удачливого купца. Но в 1662 году Стефан Трофимович принимает неожиданное для человека его профессии решение – он порывает с семьёй, оставляя её на попечение дяди, и становится юродивым: сказалась привитая с детских лет тяга к религиозной литературе.

Несколько слов о юродивых. Точка зрения, укоренившаяся в популярной литературе, считает юродивых (а они часто встречались в древней Руси) ненормальными людьми, имевшими расстройства психики на религиозной почве. Стиль их поведения шёл вразрез с принятыми нормами. Такое поведение юродивых зачастую было лишь внешней стороной явления. Гораздо чаще юродивыми добровольно становились вполне нормальные люди, по зрелому разумению, выражая самым разрывом с существующий укладом жизни протест к укоренившимся порядкам. Религиозность, как водилось в средние века, была лишь оболочкой для такого протеста и гарантией неприкосновенности личности.

Но с середины XVII века юродство на Руси стало вырождаться: с выделением противостоящего официальной церкви старообрядчества родилась новая – более действенная – трибуна общественного протеста, юродство же в этом плане потеряло былую исключительность. И это хорошо заметно в программном сочинении Стефана Нечаева, где он с помощью ссылок на церковные авторитеты обосновывает своё решение: главное для него – служение Богу.

Более того: новоявленный юродивый избрал местом подвига не первый попавшийся храм (а их в то время в Галиче имелось немало), а именно тот, при котором состоял прихожанином и он сам, и члены его семьи. Так что все уверения Стефана Нечаева о разрыве с «тленным миром» и «со всеми сладостями его» – не более как литературный приём, призванный поднять авторитет автора в глазах неискушенного читателя.

Судьба Стефана Нечаева поразительно совпадает с судьбой любимого героя древнерусской литературы – Алексия, человека Божия, чьё житие широко распространялось по всей Руси, начиная с XII века. Особую популярность это произведение приобрело как раз во второй половине XVII века, поскольку данный святой считался небесным покровителем царя Алексея Михайловича.

Без тени сомнений мы можем заключить, что в библиотеке Нечаевых, помимо списков библейских книг, имелась и рукопись жития Алексея, человека Божия.

Но этот святой – всего лишь литературный идеал, взятый на вооружение Стефаном Нечаевым. Пример добровольного юродства наш герой мог почерпнуть и из жизни. До сих пор Православную Церковь почитается умерший в 1673 году Андрей Тотемский, который принял юродство по благословию игумена Воскресенского монастыря в Га-

лице Стефана и поселился в Тотьме. Если учесть, что Стефан Нечаев и Андрей Тотемский могли быть ровесниками (последний родился в 1637 году) и даже могли близко знать друг друга или быть просто знакомыми, то и этот пример мог оказать влияние на галичского книжника.

[Газета «Ленинский путь», 1990 год,
20 октября, №126. с.3]

* * *

КНИЖНИК XVII ВЕКА СТЕФАН НЕЧАЕВ.

САМО сочинение Стефана Нечаева представляет немалый интерес. Достаточно сказать, что это – единственное в древней русской литературе творение, вышедшее из-под пера юродивого, которое сохранилось до наших дней. По жанру это – прощальное письмо родным, которое Стефан, по его словам, «как пошёл юродствовать, оставил на утешение матери своей Евдокии, да жене своей Акулине», но по форме и содержанию оно далеко выходит за рамки данного жанра.

По форме – это распространённый в религиозной литературе диалог, диспут с воображаемым оппонентом, пытающимся отговорить автора от его необдуманного намерения. По содержанию – это жизненная программа человека, убеждённого в правильности избранного пути.

И здесь, как кажется, Стефан Нечаев предельно искренен. В письме перед нами встаёт образ человека, горячо любящего свою семью, переживающего за судьбу близких, но порывающего с ними, с привычной жизнью ради служения самому высокому идеалу. Поэтому во многих местах письма звучат проникновенно – личные мотивы, столь характерные для русской литературы XVII века: «молю тебя, мать моя... если найдёт на вас уныние и скорбь, или какая тяжесть, или о мне грешном в какое время вспомните – не сетуйте. Но вместо себя оставлю вам малое письмо это прочесть во утешение печалей своих», – на такой лирической ноте завершает Стефан Нечаев своё послание.

Вряд ли он обличал пороки своих современников или поражал окружающих необычным поведением: обитал он при церкви Богоявления, что находилась в центре города (с его «мирскими прелестями»), за нижними торговыми рядами (до наших дней она не сохранилась), и образ его жизни был похож скорее на образ жизни монаха-схимника: у церковной стены он выкопал яму, в которой жил и впоследствии в ней же был похоронен. Возможность частых встреч с родными, близкими, да и просто знакомыми создавала Стефану Нечаеву дополнительные трудности на пути совершения религиозного подвига, но в то же время – эти встречи приносили и известную популярность.

О том, что его дела получили широкую известность в Галиче и его окрестностях, свидетельствует тот факт, что на похороны юродивого, по словам переписчика его сочинений, «стеклось много именитых людей – в их числе всё галичское духовенство, галичский воевода вместе со своим предшественником, иные дворяне и дети боярские, и многие посадские и уездные люди». Деловой тон этой переписки, столь характерный для официальных документов XVII века, позволяет видеть в переписчике (и, возможно, редакторе) сочинений Стефана Нечаева представителя галичской администрации, возможно, из находившихся при воеводе дьяков.

Церковь по-своему распорядилась популярностью книжника: как и водилось в подобных случаях, она, оказав ему материальную поддержку при жизни, попыталась организовать его посмертное прославление в качестве местно чтимого святого. Вскоре распространился слух, будто на похороны юродивого галичан сзывал некий юноша, оказавшийся ангелом. Но это было первое и последнее «чудо» Стефана Нечаева. Над могилой юродивого выставили его изображение с надписью, прославлявшей благочестие покойного. Так могила галичского книжника превратилась в объект преклонения, приносящий церкви дополнительные доходы.

В заключение следует добавить, что в Приходских окладных книгах Патриаршей казны приказа по Галичской десятине сохранилась запись от 4 июня 1683 года о челобитье галичских священнослужителей, отправлявших службы в церкви Богоявления, и посадских людей – прихожан этой церкви – с просьбой о разрешении на строительство нового храма «во имя Николая Чудотворца с приделом святого великомученика Георгия, а наверху той церкви и придела построить другую церковь каменную во имя Богоявления Господня» (той, что сохранилась до наших дней) рядом с существующим храмом. Часть средств на строительство выделили сами священнослужители, другую часть (и, может быть, большую) – прихожане, которых возглавлял Гаврила Нечаев, сын или племянник юродивого, видимо, пользовавшийся авторитетом в силу родства с книжником.

Стефану Нечаеву не суждено было пополнить список святых, чтимых Православной Церковью. После постройки нового храма церковь Богоявления стала менее посещаемой (службы шли в ней, по видимому, в летнее время). Посмертными чудесами юродивый себя не проявил, да их и трудно, вернее, невозможно было организовать в приходском храме, где прихожане знали друг друга в лицо и любое «чудесное исцеление» могло быть тут же изобличено.

Да и в XVII веке Русская Церковь очень неохотно канонизировала юродивых: слишком много появилось «лжеподвижников», мечтавших пополнить святцы своими именами. И, хотя их деятельность на местах всё же приносила духовенству немалые доходы, от массовых канонизаций пришлось отказаться. В этих условиях постепенно, почитание Стефана Нечаева заглохло, хотя, быть может, он ещё почитался во второй половине XVII века – именно этим временем датируется рукопись, сохранившая его сочинения.

На этом кончается период галичской книжности. Новая эпоха в истории Русского государства, начавшаяся с преобразований Петра, ознаменовалась крутой ломкой традиционного мировоззрения. На страницах книг шёл поиск новых героев, новых идеалов. Зарождались иные литературные жанры – начался переход от учёной книжности к профессиональному литературному творчеству.

[Газета «Ленинский путь», 1990 год,
1 ноября, №131. с.3]

